

ИНСТИТУТ АРЗУМАНЯНА
(1956–1965)

© 2002 г. П. Черкасов

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Процесс первоначального организационного оформления ИМЭМО как научно-исследовательского центра, начавшийся в мае 1956 г., в целом завершился к ноябрю того же года. В первых числах ноября, накануне 39-й годовщины Октябрьской революции, которую все совучреждения обязаны были торжественно отмечать “трудовыми рапортами”, более 200 сотрудников Института мировой экономики и международных отношений АН СССР впервые собрались вместе в бывшем школьном здании на Сукином болоте, чтобы заслушать доклад А.А. Арзуманяна “О направлении научной работы и задачах ИМЭМО АН СССР”. Интерес к этому первому собранию трудового коллектива был огромный. Каждый научный сотрудник, конечно, уже имел представление о собственном участке работы и о направлении исследований своего сектора. Теперь предстояло узнать о том, какие задачи призван решать Институт в целом.

Текст первого выступления А.А. Арзуманяна перед сотрудниками ИМЭМО сохранился в Архиве РАН, что позволяет нам ознакомиться с основными его положениями¹. Этот документ важен также для понимания научной и гражданской позиции самого Арзуманяна.

Арзуманян начал доклад с констатации крайне неблагоприятного положения в изучении проблем экономики и политики современного капитализма, которое сложилось в СССР после окончания войны. Дефицит научных кадров в этой области, низкий теоретический уровень большинства имеющих работ, “замена научного анализа описаниями и ползучим эмпиризмом, догматизмом и начетничеством” – таковы, по мнению Арзуманяна, главные черты переживаемого советской политической экономической наукой кризиса.

Ответственность за этот очевидный кризис, по твердому убеждению Арзуманяна, лежала на Сталине. Далее Арзуманян подробно обосновал свою точку зрения. Вот что он сказал:

“Известно, что культ личности нанес огромный вред научно-исследовательской работе. Од-

но время создалось такое положение, когда наши ученые усматривали свою задачу лишь в том, чтобы переложить и популяризировать высказывания И.В. Сталина. В результате научно-исследовательская работа была резко ослаблена. <...>

В той области науки, в которой работает ИМЭМО, также декретировался ряд неправильных положений. В самом деле, указывалось, например, что наиболее важным экономическим результатом Второй мировой войны явился распад единого всеохватывающего мирового рынка на два параллельных мировых рынка, противостоящих друг другу. Сама постановка и подход к решению этого вопроса, безусловно, неверны. Марксисты ставят во главу угла отношения производства, а не обращения. Великая Октябрьская социалистическая революция озаменовала собой установление нового типа производственных отношений – социалистические производственные отношения. Новое в международной обстановке после Второй мировой войны состоит в том, что социализм вышел за границы одной страны и сложилась мировая система социализма. Это – главная черта нашей эпохи. Создание нового рынка связано не с войной и экономической блокадой социалистических государств капиталистическими странами, а прежде всего с революциями, свершившимися в ряде стран Европы и Азии. Связывать же распад мирового рынка только с войной и блокадой – это значит, по сути дела, смазывать и отрицать те глубокие революционные процессы, которые произошли в Европе и в Азии, в результате которых установился новый тип производственных отношений, что и стало основой мировой системы и нового мирового рынка.

Далее, углубление общего кризиса капитализма совершенно неправомерно стало связываться в нашей литературе лишь с итогами Второй мировой войны. Между тем не только война расшатала капитализм и подорвала его позиции. Еще более сильно расшатали капиталистический мир и подорвали его позиции революции и национально-освободительные движения. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Внешние возможности маневрирования империализма в экономической и политической областях все более сокращаются, и в то же время усиливаются внут-

Продолжение. Начало см.: в № 4–7.

¹ См.: Архив Российской академии наук (далее везде: Архив РАН. – П.Ч.) Ф. 1556. Оп. 1. Д. 116. Л. 2–25.

рение противоречия империализма. Процесс углубления общего кризиса капитализма протекает весьма интенсивно. Следовательно, чтобы правильно понять и оценить все эти процессы, нужно подойти к ним не со стороны сферы обращения, а со стороны глубокого изучения тех изменений, которые происходят в области производства, производственных отношений, необходимо изучить революционные и национально-освободительные движения в странах Европы и Азии и т.д. Только глубокий анализ изменений в производственных отношениях, в расстановке классовых и политических сил сделает возможным правильную оценку тех процессов, которые происходят в настоящее время на международной арене.

Остановимся, наконец, еще на одной догме – будто агрессивные нации более подготовлены к войне, чем мирные нации. По существу этот тезис утверждает фатальную закономерность опоздания в обороне миролюбивой страны. Советский народ является мирным народом, СССР – оплотом мира во всем мире. Но разве из этого следует, что Советский Союз должен опаздывать в подготовке к обороне? Разумеется, советский народ не может примириться с такой идеей, с такой постановкой вопроса. И если Советский Союз требует мира, если он добивается сокращения вооруженных сил и вооружений, то это вовсе не означает, что Советский Союз стоит за разоружение социализма перед капитализмом. Мы – за укрепление позиций социализма, и борясь за мир, за разоружение, мы тем самым хотим создать благоприятную обстановку для более быстрого движения к коммунизму, для более быстрого решения рабочим классом и всеми трудящимися в капиталистических странах стоящих перед ними задач.

Все это свидетельствует о необходимости творческого подхода к научно-исследовательской работе, преодоления ошибок и неправильных наслоений, которые имели место в последние годы. Научно-исследовательская работа должна быть освобождена от догматизма, начетничества, неправильных наслоений...”

Расчистка “наслоений” сталинизма в изучении экономики и политики современного капитализма станет одной из главных задач Арзуманяна и возглавляемого им Института. Разумеется, эта борьба велась, пусть и в расширенных после XX съезда, но все же в рамках марксистско-ленинской методологии. Но при этом следует учитывать, что большинство советских политэкономов и после 1956 г. все еще придерживались сталинских догм. Сталинисты были сильны и в высшем партийном руководстве. Известно, например, что В.М. Молотов был убежденным сторонником продолжения холодной войны и противником линии на мирное сосуществование, взятой после смерти Сталина. Именно его, а не только покой-

ного вождя, скорее всего имел в виду Арзуманян, когда доказывал, что “мирные нации” могут успешно противостоять “агрессивным нациям”, не прибегая к войне. С Молотовым Арзуманян будет полемизировать и в дальнейшем.

Переходя в своем докладе к определению задач, стоящих перед ИМЭМО, Арзуманян сделал акцент на обязательном совмещении теоретических исследований с практическими потребностями “директивных инстанций” в области внешней и экономической политики. “Главное внимание коллектива работников ИМЭМО, – говорил его директор, – должно быть уделено серьезным теоретическим исследованиям. У нас иногда думают, что изучение экономики и политики зарубежных стран в научных учреждениях, в конце концов, не так важно – этим-де могут заниматься соответствующие ведомства. Но такое мнение глубоко неправильно. Никакие ведомственные учреждения не могут заменить глубокого научного изучения капиталистического мира. Без научной, теоретической разработки проблем мировой экономики и международных отношений, без серьезного марксистско-ленинского анализа и обобщения новых явлений в области экономики и политики зарубежных стран нельзя уверенно двигаться вперед и, следовательно, неизбежны большие или малые ошибки и просчеты в практической деятельности. Чтобы не допустить таких ошибок, необходимо серьезно поставить работу по теоретическому исследованию. В то же время необходимо преодолеть отрыв теоретической работы от практики.

Этот отрыв теории от практики сильно сказывается на издаваемых у нас работах. Недостаток подавляющего большинства из них состоял в том, что они носили описательный характер, не содержали теоретических обобщений, не говоря уже о том, что во многих из них вопросы решались догматически и начетнически, и они поэтому не имели действительного значения. Авторы большинства работ не исходили из глубокого анализа реальной действительности, а пытались подгонять факты под известные догмы”.

Арзуманян недвусмысленно дал понять присутствующим, что в его Институте подобной “научной” методологии места нет и не будет. “Наши экономисты, – подчеркнул он, – призваны исследовать реальные процессы, протекающие в действительности, обобщать их и делать эти обобщения орудием познания действительности и изменения самой действительности...”

Арзуманян затронул весьма деликатный вопрос о допустимости и роли политической пропаганды в научных исследованиях. Как истинного марксиста-ленинца, его совершенно не смущало присутствие в научном исследовании пропагандистского элемента. Более того, он считал пропа-

ганду марксизма-ленинизма обязательной для любого публикуемого научного исследования. “Иногда утверждают, – сказал он, – что недостаток наших работ заключается в их пропагандистском характере. Это не совсем верно. Всякая исследовательская работа должна пропагандировать марксистско-ленинские идеи. Беда в том, что начетничество и догматизм, имеющиеся в ряде работ, мешали им стать орудием действенной пропаганды”.

Арзуманян, правда, не попытался определить соотношение пропаганды и собственно науки в монографиях и статьях. Между тем этот далеко не праздный вопрос имел первостепенное значение, так как “ахиллесовой пятой” практически всех советских научных публикаций в области мировой экономики и международных отношений (включая публикации ИМЭМО) всегда была пропагандистская составляющая, существенно девальвировавшая содержание даже наиболее интересных работ.

Пропагандистская деятельность с самого начала была заложена Арзуманяном в числе трех сформулированных им основных задач ИМЭМО. “Институт, – подчеркнул он в своем первом выступлении перед сотрудниками, – должен: во-первых, давать правильный, научный анализ капиталистической действительности и показать взаимоотношения двух мировых систем – капиталистической и социалистической – для того, чтобы способствовать решению основной экономической задачи СССР²; во-вторых, помогать советскому народу решать стоящие перед ним задачи, опираясь на действительный научный анализ тенденций экономического развития и политических явлений в капиталистическом мире; в-третьих, своими научными исследованиями помочь активной пропагандистской деятельности”.

В явном противоречии с выдвинутым Арзуманяном тезисом о сохранении пропагандистской направленности научных публикаций находилось его заявление о недопустимости искажения реальной картины современного капитализма. “Мы допустили серьезную ошибку – подчеркивал он, – отрицая какое-либо развитие производительных сил в капиталистических странах, догматически, неправильно трактуя ленинский тезис о загнивании капитализма”. Это важнейшее положение, высказанное Арзуманяном в 1956 г., на многие годы определило характер исследований в ИМЭМО современного капитализма, пусть и через призму теории его “общего кризиса”.

² “Основная экономическая задача СССР” была сформулирована на XX съезде КПСС – в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Обосновывая концепцию мирного сосуществования двух систем, Арзуманян ориентировал своих сотрудников на выяснение истинных намерений Запада в отношении СССР. “Задача коллектива ИМЭМО, задача научного исследования состоит в том, – говорил он, – чтобы тщательно следить, какие тенденции в области мировой политики будут брать верх – гонка вооружений, идея равновесия сил между двумя системами, политика сколачивания военных блоков, чреватая войной, или же будет побеждать политика мирного сосуществования, разоружения или сокращения вооружений, политика урегулирования нерешенных вопросов путем переговоров, политика установления прочного мира”.

В заключительной части своего выступления Арзуманян остановился на вопросах организации научно-исследовательской работы в ИМЭМО. “Для успешного решения сложных задач, стоящих перед ИМЭМО, нужны квалифицированные кадры, – заявил он. – Необходимо создать такие условия, которые дали бы возможность преодолеть существенные затруднения в области кадров. Это означает, что, во-первых, следует сосредоточить в Институте как можно больше способной молодежи, обучить и вырастить ее, смело поручать ей исследовать те или иные вопросы, делать научные доклады и т.д.; во-вторых, нужно сосредоточить в Институте старые кадры “мировиков”, экономистов-международников; в-третьих, необходимо направлять в научные командировки на несколько месяцев в соответствующие страны сотрудников Института для детального изучения на месте экономики той или иной страны; в-четвертых, надо через аспирантуру готовить наиболее способных к научно-исследовательской работе товарищей, помочь им защитить диссертации. При этом аспирантура должна быть превращена в действительно настоящую школу, чтобы люди, состоящие в ней, могли обрести подлинно глубокие знания.

Перед Дирекцией Института стоит задача правильной организации научно-исследовательской работы. От решения этого вопроса во многом зависит успех дела”.

Организационные вопросы находились в центре внимания Арзуманяна с первых дней существования Института. Директор энергично “выбивал” из Президиума АН СССР и Министерства финансов СССР определенные правительством материальные средства для обеспечения жизнедеятельности ИМЭМО. В институтском архиве сохранилась переписка Арзуманяна с министерством финансов по этому вопросу, свидетельствующая о настойчивости директора в отстаивании интересов Института.

Так, 3 января 1957 г. Арзуманян направляет министру финансов А.Г. Звереву письмо, в кото-

ром обращает его внимание на недопустимое сокращение объема необходимого валютного финансирования Института для закупки иностранной литературы и периодики. ИМЭМО, сообщает Арзуманян, просил в Президиуме АН СССР как минимум 72 тыс. инвалютных рублей на 1957 г., а получил только 25 тыс. “Мы просим дополнительно ассигновать нам сумму в 45 тыс. инорублей как минимум, необходимый для организации нормальной работы Института”, – писал Арзуманян, добавляя, что Институт мирового хозяйства и мировой политики до войны получал валютные ассигнования на литературу в сумме 47 тыс. инорублей (в пересчете на цены 1956–1957 гг.)³.

Минфин среагировал оперативно. Уже через неделю, 11 января, на имя Арзуманяна было направлено письмо, подписанное заместителем министра финансов А. Посконовым. В нем говорилось: “Министерство финансов СССР не вправе вносить какие-либо изменения в лимиты ассигнований на выписку иностранной литературы, утвержденные Распоряжением Совета Министров СССР от 21/XI–1956 года”⁴.

Разумеется, Арзуманян не мог удовлетвориться подобной отпиской. 18 января он обращается к министру иностранных дел СССР Д.Т. Шепилову. “Дорогой Дмитрий Трофимович! – пишет Арзуманян. – После беседы с Вами (30/XII–56 г.) я, по Вашей рекомендации, обратился к Министру финансов СССР тов. А.Г. Звереву с просьбой выделить Институту 45 тыс. инорублей (дополнительно к 25 тыс. выделенным Президиумом АН СССР), – сумму, которая может удовлетворить минимум потребностей Института в иностранной литературе. 12 января с/г я говорил с тов. А.Г. Зверевым и просил его решить положительно этот вопрос.

Однако 15 января с/г нами получена, за подписью Зам. министра финансов СССР тов. Посконова, формального порядка отписка со ссылкой на необоснованность нашей просьбы, поскольку вопрос о размере ассигнований якобы является компетенцией только Президиума Академии наук СССР.

Мне кажется, что в Министерстве финансов наш вопрос решили, не посоветовавшись с тов. Зверевым. Это мое предположение основывается на том, что ответ, полученный нами из Министерства финансов, датирован 11 января, а 12 января я беседовал с тов. Зверевым и он не отказал нам в нашей просьбе, а обещал рассмотреть ее.

Еще раз обращаюсь к Вам с убедительной просьбой оказать содействие в положительном решении вопроса об ассигновании испрашиваемых

мой нами суммы инвалюты, необходимой для налаживания нормальной работы Института”⁵.

“Выбивание” лимитов и дополнительных ассигнований было характернейшей особенностью функционирования советской экономической системы. Успех дела зависел от влияния и связей того или иного просителя.

В этом отношении чиновникам нелегко было иметь дело с Арзуманяном, который открывал любые двери и делал даже невозможное, когда речь шла об интересах его детища – ИМЭМО. Правда, и ему не всегда удавалось решать тот или иной вопрос, особенно связанный с дополнительным финансированием. Тем не менее стараниями Арзуманяна началось комплектование институтской библиотеки и текущих досье Отдела информации, составлявшихся из закрытых тассовских сводок и материалов советской и иностранной периодики.

Часть проблематики перешла в ИМЭМО “по наследству” из Института экономики. Другая ее часть формировалась уже в новом Институте. Каждый из созданных в ИМЭМО двенадцати секторов получил для разработки от одной до трех крупных научных тем, включенных в государственный план научно-исследовательской работы. Одновременно старшие научные сотрудники работали над собственными темами, готовя индивидуальные монографии. Эти монографии, а также коллективные работы утверждались на заседаниях Ученого совета Института. Здесь же обсуждались научные доклады ведущих ученых.

Так, в сентябре 1956 г. состоялся доклад академика Е.С. Варги, посвященный самой актуальной тогда проблеме – Суэцкому кризису. Были обсуждены экономические и политические аспекты этой проблемы, позиции различных государств, а в более широком плане – перспективы развития отношений между основными западными державами и странами, борющимися за свою независимость. Группа сотрудников сектора Британской империи представила на Ученый совет небольшую монографию “Суэцкий кризис и империалистическая агрессия против Египта”⁶.

Оживленную дискуссию вызвало обсуждение на Ученом совете другой коллективной монографии, посвященной монополистическому капиталу США. Эта работа была подготовлена в секторе США. В самом начале 1957 г. В.И. Каплан (Лан) прочел доклад о кампании 1956 г. по выборам президента США, связав это с анализом текущего состояния американской экономики.

С большим интересом был заслушан доклад И.М. Лемина “Экономическое и политическое положение Англии после Суэцкого кризиса”. До-

³ Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам. (Архив ИМЭМО РАН).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: МЭ и МО. 1957. № 1. С. 157.

кладчик обрисовал роль Англии в мировой политике и международных отношениях, возможности проведения ею самостоятельной от США политики, степень ее влияния на доминионы и оставшиеся колонии, последствия участия Англии в суэцкой военной операции.

Мечта каждого младшего научного сотрудника, кандидата наук состояла в том, чтобы стать старшим, или хотя бы получить для разработки самостоятельную тему, а не выполнять годами роль ассистента при заведующем сектором или докторе наук. В те годы такой переход был нелегким, надо было показать конкретные результаты в виде двух и более монографий. Но в любом случае требовалось согласие администрации. Не всякий заведующий сектором спешил наделить обслуживающего его “мэнэса” творческой самостоятельностью. Но чаще все-таки, с благословения Арзуманяна, молодежи шли навстречу. Можно привести один пример.

В личном фонде Арзуманяна в Архиве РАН сохранилась адресованная директору ИМЭМО докладная записка зав. сектором общих проблем империализма Л.А. Мендельсона, датированная 9 апреля 1960 г. Речь в ней идет о судьбе молодого талантливого экономиста С.М. Никитина, к тому времени уже автора двух монографий, брошюры и восьми статей, все еще ходившего в “мэнэсах”. Никитин уже собирался перейти из ИМЭМО на более высокую должность в НИИ Госплана, но Мендельсон уговорил его остаться, пообещав перевести в старшие научные сотрудники, а пока дал ему самостоятельную тему. Никитин отказался от своего намерения, но ученый секретарь Института К.И. Попов, как сообщал Мендельсон в докладной директору, “в беседе с парторгом сектора заявил, что, по мнению дирекции, я неправильно поступил, поручив мл. научному сотруднику, кандидату наук самостоятельную тему”. “В итоге этого, – продолжал Мендельсон, – тов. Никитин сообщил мне сегодня, что он, не видя перспектив для самостоятельной работы в Институте, подал на конкурс на занятие должности старшего научного сотрудника в Институт Госплана.

Мне кажется, – резюмировал Мендельсон: – 1) что к решениям дирекции (а темы работ тов. Никитина и др. утверждены дирекцией) следует относиться уважительно и членам дирекции, что не было сделано тов. Поповым, 2) что *необходимо принять меры к сохранению тов. Никитина в Институте, как одного из наиболее способных молодых научных работников, вполне подготовленных к самостоятельной работе по нужной для Института тематике* (курсив мой. – П.Ч.)”⁷.

⁷ Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 113. Л. 17–18.

Немедленное вмешательство Арзуманяна решило этот организационный вопрос в пользу молодого ученого. С.Н. Никитин остался в ИМЭМО, где в скором времени он станет одним из ведущих научных сотрудников, автором многочисленных фундаментальных трудов. Это был отнюдь не единственный случай внимательного отношения к научному росту талантливой молодежи.

ИМЭМО активно устанавливал международные контакты. В первой половине 1957 г. на Ученом совете выступили с докладами член Палаты общин Великобритании Кони Зиллиакус, депутат французского парламента, видный экономист Жак Пронто, немецкие экономисты-международники Ю. Кучинский и В. Агарц, финский ученый Е. фон Бундсдорф⁸.

Начались и зарубежные поездки (пока еще редкие) сотрудников Института, как в составе делегаций, так и индивидуальные. Первое время это было в диковинку, поэтому каждого командированного за границу провожали как на боевое задание в тыл врага, а по возвращении обязательно заслушивали на заседании сектора или Ученого совета. По окончании формального отчета, коллеги обычно оставались в секторе, за чашкой привезенного *оттуда* чая Earl Grey, а то и за бутылкой Martini или Bordeaux, и тогда начинались оживленные расспросы о том, *как там...* Дамы, разумеется, интересовались тем, “что теперь следует носить”. Наиболее благоразумные рассказчицы, дорожившие заграничными командировками, избегали неумеренных отзывов о достоинствах не знавшего дефицита “общества потребления”, памятуя о возможном присутствии в комнате “всеслышащих ушей”.

Представители “органов” никогда не оставляли своим вниманием Институт, они там регулярно бывали и время от времени вызывали в Отдел кадров, в Спецчасть или в Отдел международных связей нужных им людей “на исповедь” или для “профилактических” бесед. Наиболее распространенным средством наказания “провинившихся” (как правило, это были люди, позволявшие себе в той или иной форме говорить то, что думали) было лишение их права выезда за границу.

Первые “невыездные” появились в ИМЭМО еще при Арзуманяне. Среди них оказались и полностью реабилитированные вчерашние узники ГУЛАГа, которые, видимо, не пользовались доверием КГБ, и те, кто отказался сотрудничать с “органами”, и те, кого подозревали в нелояльности, и те, кто просто был “не воздержан на язык”.

В ИМЭМО, как и в других академических учреждениях, существовала своя “выездная обойма” – группа проверенных научных сотрудников, которым и доверялись международные контакты

⁸ См.: МЭ и МО. 1957. № 1. С. 158.

Института. При этом многие ведущие ученые ИМЭМО по тем или иным причинам были лишены этой привилегии. В дальнейшем, с ужесточением в стране идеологической дисциплины, их число значительно выросло, превысив все мыслимые для института международного профиля пределы.

Вплоть до 1988 г. не выпускали за границу (в том числе в Японию) крупнейшего япониста профессора Я.А. Певзнера. Впервые он попал туда на 75-м году жизни, да и то лишь на 10 дней. Никогда не бывал в США (как и в других странах Запада) крупный американист профессор В.И. Каплан (Лан). “Невыездным” был видный африканист д.э.н. Я.Я. Этингер. Не бывал на Ближнем и Среднем Востоке и один из самых известных отечественных арабистов д.и.н. Г.И. Мирский, которому, как и Этингеру, милостиво разрешили выезжать только в социалистические страны⁹.

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

“В конце 57-го года Арзуманян получает приглашение в Англию на десять дней, сообщает мне, что берет меня с собой – как помощника и переводчика. Я на седьмом небе, документы уже оформлены – и тут осечка: на меня нет решения ЦК. Арзуманян озадачен, а я спрашиваю у сотрудника, занимающегося международными связями: “В чем дело, кто меня зарубил?” Он смотрит на меня угрюмо: “Кто, кто .. С луны что ли свалился, не знаешь, кто?”

Мирский сразу же понял, что это месть за отказ сотрудничать с КГБ, что было ему предложено годом ранее¹⁰.

Из воспоминаний Г.И. Мирского:

“И вот год спустя меня не пускают в Англию. А затем в Египет, А затем в Индию. И так далее – на протяжении тридцати лет. Сколько приглашений я получил за это время – не помню, не считал. Каждый раз в последний момент мне сообщают: урезан состав делегации, или не успели оформить документы, или еще что-нибудь. Отлично знают, что я понимаю, что они врут – ну и что < ... > Директор Арзуманян, – продолжает Мирский, – которому в конце концов надоело раз за разом под-

⁹ В советской системе существовали две категории “невыездных”: к первой относились лица, которым был закрыт выезд на Запад, но разрешались поездки в социалистические страны, ко второй – особо “проштрафившиеся”, для них были закрыты даже соцстраны. В принципе же человек, желавший побывать хотя бы туристом в одной из западных стран, должен был предварительно посетить Болгарию, ГДР или Польшу. То же относилось и к служебным командировкам. По каждому выезду за границу принималось соответствующее “решение ЦК”, основанное на служебной характеристике выезжающего, завизированной райкомом КПСС (или ВЛКСМ) и райотделом КГБ. С большими трудностями проходили через сито выездных комиссий беспартийные, неженатые (незамужние) и разведенные лица.

¹⁰ См.: Мирский Г. Жизнь в трех эпохах. М. 2001. С. 161, 162–169.

писывать мне блестящие характеристики, с которыми выездной отдел не считался, однажды отправился к заместителю заведующего международным отделом ЦК Белякову – специально, чтобы выяснить причины моих отказов. Беляков, из уважения к родственнику Микояна, обещал разобраться и попросил Арзуманяна придти к нему еще раз через неделю. Во время второй встречи на столе перед Беляковым лежала пухлая папка – это было мое досье, затребованное им с Лубянки. Перелистывая его (но не показывая Арзуманяну), он сказал: “В общем-то дело не стоит выеденного яйца, одни разговоры. Но их много, придется с товарищами поработать”. Но Арзуманян умер через два месяца, и все на этом закончилось”¹¹.

В целом же международные связи Института стали одним из надежных каналов получения достоверной информации о процессах, происходящих в зарубежных странах, в мировой экономике и политике.

Быстро разворачивалась в Институте оперативная работа по информационно-аналитическому обслуживанию “директивных инстанций”. Эта работа, которой Арзуманян придавал особое значение, велась по двум каналам: подготовка соответствующих записок и издание под грифом “для служебного пользования” “Информационного бюллетеня ИМЭМО”.

Важное место в жизни Института занимала работа с творческой молодежью, которая составляла значительную часть коллектива ИМЭМО. Арзуманян постоянно возвращался к этой теме, призывая маститых ученых передавать свой опыт молодым специалистам. Впрочем, они это охотно делали и без всяких призывов.

Здесь можно привести свидетельство доктора экономических наук Маргариты Матвеевны Максимовой о том, как работали с молодежью ведущие специалисты Института. Максимова пришла в сектор стран Западной Европы, руководимый в то время А.А. Кирсановым, а ее непосредственным шефом там стала крупный экономист-германист, доктор экономических наук Елизавета Леонидовна Хмельницкая.

Из воспоминаний М. М. Максимовой:

“Я училась у Хмельницкой буквально всему, хотя к тому времени и была уже кандидатом наук. Приведу один эпизод, свидетельствующий о том, как нас учили писать и редактировать научные тексты.

¹¹ Там же. С. 169, 171–172. В досье, о котором пишет Г.И. Мирский, разумеется, не могло быть сведений о его несостоявшемся сотрудничестве с КГБ, который, как известно, в секреты своей профессиональной “кухни” не посвящал даже чиновников со Старой площади. Поэтому-то Беляков и не обнаружил в досье Мирского ничего, кроме доносов о его неосторожных высказываниях, и обнадежил Арзуманяна сказав, что “поработает с товарищами” с Лубянки.

Мне нужно было уезжать в отпуск, и я быстро написала свою главу в коллективную работу по европейской интеграции, кажется, она называлась – “Проблемы Общего рынка”. Это была большая глава объемом до четырех авторских листов. Я сдала ее Хмельницкой. Прочитав главу, она спросила у меня:

– Голубушка, вы когда хотите ехать в отпуск?

– Послезавтра, – ответила я.

– Нет, ничего не выйдет. Ваша глава сырая, над ней надо еще работать.

Если хотите, приходите ко мне, поработаем вместе.

Мне пришлось отложить мой отпуск с семьей на три дня. Все три дня подряд мы сидели с ней вместе в ее квартире. Там же обедали, пили чай и т.д.

На моих глазах она читала и тут же редактировала мой текст. Эти три дня остались в моей памяти на всю жизнь. Вот так надо было работать. Хотя до этого я никогда в жизни не испытывала затруднений в написании сочинений и каких-либо текстов. Я не знаю, учат ли так сейчас аспирантов.

На всю жизнь остались в памяти и наши совместные с Хмельницкой зарубежные поездки. В первый раз мы провели с ней в Западной Германии неделю. Это была одна из первых советских научных делегаций в ФРГ, которая посещала немецкие научные учреждения. Хмельницкая прекрасно, совершенно свободно, говорила по-немецки. В Германии, я это видела, к ней относились с огромным уважением. Для меня поездки с ней стали второй школой. Я училась, как надо отвечать на вопросы, как надо вести себя, как надо думать и т.д. Это был изумительный человек.

Хмельницкая научила меня еще одному. Хотя, признаюсь, в силу разных обстоятельств, я не всегда могла, следовать ее примеру.

Ее принцип работы. Она приходила в Институт, как тогда было принято, три раза в неделю. Всякий раз, придя на работу, она сразу же брала в читальном зале свежие газеты и журналы – *The Financial Times*, *Frankfurter Allgemeine*, *The Economist* и, конечно же, – “Правду”. И никто не мог ее трогать час-полтора, пока она не ознакомится с ежедневной прессой. Это было ее правило. Поэтому в любую минуту ее можно было пригласить на любую встречу с любым общественным или научным деятелем. Она была в курсе всех событий. Более того, у нее уже вырабатывалась точка зрения на те или иные вопросы, которые могли стать предметом обсуждения. Это прекрасный пример, достойный подражания”¹².

¹²Хотя свидетельство Максимовой относится к началу 1961 г., тем не менее, оно в полной мере может быть применимо и к более раннему периоду (Из записанного автором 9 января 2002 г. на магнитную пленку интервью с М.М. Максимовой).

Стиль работы Е.Л. Хмельницкой был типичным для ведущих ученых ИМЭМО. Ему следовали и молодые научные сотрудники.

Первая половина дня проходила за чтением свежей периодики, потом обеденный перерыв, сопровождавшийся обсуждением новостей в кругу коллег, затем возвращение в “спецхран” или в зал справочной литературы. Периодически в секторах устраивались доклады или обсуждения плановых работ. А один – два раза в месяц проводились заседания Ученого совета, где, помимо научных дискуссий, проходили защиты кандидатских и докторских диссертаций. Писать же многие предпочитали не в Институте, а в привычной домашней обстановке (разумеется, если дома были подходящие условия). Для этого у старших и младших научных сотрудников (с ученой степенью) были так называемые библиотечные дни – два-три дня в неделю¹³.

“Как и в каждом академическом институте, – вспоминает С.А. Микоян о нравах первых лет существования ИМЭМО, – строгая “присутственная” дисциплина не считалась обязательной. Я имею в виду часы прихода и ухода и другие обычные требования. Я целиком оправдываю такой гибкий подход: творческая отдача ученого не зависит от количества часов, просиженных им на стуле в институте. Рачик Аваков мог каждый присутственный день опаздывать, но, если надо было, за субботу – воскресенье способен был написать важную записку в ЦК. Так же как и в выполнении плановых заданий. Некоторые вообще наиболее продуктивно работали дома, поскольку в Институте на лестницах, в коридорах и в столовой теряли массу времени, чтобы поздороваться и поговорить с другими сотрудниками. Да и в комнатах отделов не всегда дружный шумный разговор способствовал научной мысли”¹⁴.

В отношении “трудоу дисциплины” Арзуманян не был формалистом, но всякий раз искренне огорчался, не найдя нужного ему сотрудника в Институте, и тогда он поручал своему секретарю разыскать имярека по телефону и пригласить его срочно приехать.

Более энергичную борьбу с либеральными нравами, укоренившимися в ИМЭМО, поведет преемник Арзуманяна, Н.Н. Иноземцев. Однажды (по всей видимости, в “неприсутственный” день) в Институт приехал посол Франции и не обнаружил там признаков жизни, чему искренне

¹³Отсутствие необходимости ежедневного посещения Института объяснялось еще и тем, что свежая иностранная периодика из-за цензурных рогаток поступала в “спецхран” не ежедневно, а примерно два раза в неделю, что как раз и совпадало с “присутственными” днями.

¹⁴Микоян С. ИМЭМО в моей жизни (сугубо личные, и, быть может, слишком откровенные воспоминания). Неопубликованная рукопись. С. 32.

удивился. На следующий день появился гневный приказ директора, отменявший “библиотечные дни” для всех научных сотрудников, независимо от должности. Но, как это было заведено в советские времена, очередная кампания борьбы за трудовую дисциплину была недолгой, и, как обычно, окончилась поражением администрации.

В действительности, академическая свобода ни в коей мере не снижала ни количественные, ни качественные показатели научных результатов. Если что и сказывалось на аналитическом уровне работы Института, то это прежде всего навязываемые сверху идеологические догмы, что неизбежно приводило к деформированному восприятию международно-экономических и политических реалий, о чем еще неоднократно будет сказано.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Когда в начале 1957 г. Президиум АН СССР составлял отчет о работе Академии в истекшем году, в него вошли и сведения о первых результатах деятельности ИМЭМО. В утвержденном 22 февраля 1957 г. Общим собранием АН СССР отчете, направленном на имя кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, в частности, говорилось: “Научно-исследовательская работа в Институте мировой экономики и международных отношений началась в IV квартале 1956 г. над 31 темой государственного плана, включающей изучение основных вопросов экономики и политики капиталистических стран. За это время Институт представил в различные директивные органы 26 научных информационных, среди которых следует указать: “Экономическое положение Бельгии и ее рабочего класса”, “Кейнсианство в последних программных документах лейбористской партии”, “О послевоенных реформистских экономических теориях”, “Военные расходы главных капиталистических государств и стран НАТО в целом”, “Экономические противоречия между главными капиталистическими странами”¹⁵.

С первых дней своего существования ИМЭМО, благодаря энергичному директору, установил самые тесные рабочие контакты с Министерством иностранных дел СССР, куда из Института направлялась добрая половина информационно-аналитических записок. Значительная часть этих записок готовилась в отделе информации ИМЭМО, руководимом Василием Григорьевичем Солодовниковым.

Сын крестьянина-середняка, родившийся в 1918 г., он начинал трудовую деятельность трактористом в колхозе “Сталинец” Самарской (Куйбышевской) области. Затем учеба на механичес-

ком факультете в Куйбышевском индустриальном институте, где его оставят ассистентом. С 1943 по 1946 г. Солодовников – слушатель Академии внешней торговли МВТ СССР. По окончании учебы он три года работает в МВТ, а в 1949 г. переходит в Институт экономики АН СССР, где защищает кандидатскую диссертацию и в 1952 г. становится ученым секретарем. Арзуманян берет его с собой в ИМЭМО и назначает заведующим Отделом информации, где Солодовников проявит себя с самой лучшей стороны. В 1958 г. Арзуманян делает его своим третьим заместителем. На этом посту Солодовников проработает до 1961 г., когда будет приглашен на работу в МИД СССР и направлен в Нью-Йорк в Секретариат ООН. В 1963–1964 гг. он – заместитель постоянного представителя СССР при ООН. В 1964 г. Солодовников возвращается в Москву и назначается директором только что созданного Института Африки АН СССР. В 1966 г. он защищает докторскую диссертацию и в том же году избирается членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономики. Институт Африки Солодовников возглавляет до июня 1976 г., когда его вновь призывают в МИД, и отправляют в Замбию в качестве чрезвычайного и полномочного посла СССР. В 1981–1983 гг. он – главный советник Управления планирования внешнеполитических мероприятий (УПВМ) МИД СССР. Оставив дипломатическую службу в ноябре 1983 г., В.Г. Солодовников возвращается в ИМЭМО, где проработает в должности главного научного сотрудника до ноября 1993 г.

Пример В.Г. Солодовникова – далеко не единственный случай тесного кадрового взаимодействия ИМЭМО и МИДа. Целый ряд научных работников ИМЭМО станут сотрудниками МИДа СССР, и наоборот, бывшие дипломаты займутся научной работой в Институте.

МИД СССР нередко обращался к директору ИМЭМО с просьбами временно откомандировать в его распоряжение специалистов по тем или иным вопросам мировой экономики. Можно привести в связи с этим одно из писем Арзуманяна, направленное им 1 января 1957 г. на имя заместителя министра иностранных дел СССР А.В. Захарова. В нем говорилось: “В связи с Вашей просьбой о выделении кандидатур экспертов в состав советских делегаций на сессиях региональных экономических комиссий ООН, сообщая, что ИМЭМО АН СССР рекомендует назначить экспертом на сессию ЕЭК (Европейская экономическая комиссия ООН. – П.Ч.) старшего научного сотрудника, кандидата экономических наук тов. Котковского Яна Яновича и на сессию ЭКАДВ (Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока. – П.Ч.) – заведующего сектором стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока

¹⁵См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ) Ф. 5. Оп. 30. Д. 180. Л. 77об.

Института, кандидата экономических наук тов. Поляка Александра Алексеевича”¹⁶.

В том же 1957 г., зав. сектором конъюнктуры ИМЭМО Ашик Аветович Манукян был по просьбе МИДа включен в состав советской делегации (в качестве ее полноправного члена) на XXIV сессию ЭКОСОС (Экономический и социальный совет ООН. – П.Ч.), проходившую в Женеве. А ученый секретарь ИМЭМО И.С. Глаголев в сентябре-ноябре 1957 г. был прикомандирован к Миссии СССР в ООН для работы по теме: “Милитаризация экономики США”. Командировка Глаголева в Нью-Йорк оплачивалась из валютных средств ИМЭМО.

Спустя полгода после первого собрания сотрудников ИМЭМО, состоявшегося в начале ноября 1956 г., Арзуманян решил провести еще одну “инвентаризацию” положения дел в Институте. На этот раз он воспользовался партийным собранием, которое проходило в два этапа – 16 и 23 мая 1957 г. В своем докладе директор сделал упор на недостатки и упущениях, вскрывшихся в организации работы Института за первый год ее существования.

Из доклада А.А. Арзуманяна 16 мая 1957 г.:

“<...> Как всякое вновь возникающее научно-исследовательское учреждение, Институт натолкнулся на серьезные трудности. С одной стороны, это трудности, касающиеся материальной базы. Как это ни странно, но Институт не получил никаких средств на оборудование. Я не знаю, что было бы с нами, если в здании не были бы оставлены старые столы и стулья ушедшего из него министерства. Институт нуждается во всем, но не видно, какие же средства получит. Причем не выполняются прямые решения директивных органов. Достаточно взять пример с выпиской иностранной литературы. В прошлом году Институт экономики, в котором имелся Отдел современного капитализма, получал 20 000 рублей для выписки иностранной литературы, а в этом году ему оставили ту же сумму. Новому же Институту дали 25 000 рублей вместо затребованной минимальной суммы 72 000 рублей. Всем известно, что Институт не может вести работу без получения соответствующей литературы. Ведь не будут же из пальца высасывать факты. Что сказали бы, если бы предприятию дали бы фонд заработной платы рабочих и не дали бы сырья, энергии, станков? А у нас считается в порядке вещей тратить миллионы рублей на оплату научных работников и отказываться тратить два – три десятка тысяч рублей, чтобы снабдить научных работников необходимыми справочниками, литературой и т.д.

¹⁶Переписка с министерствами СССР и союзных республик по научным вопросам (Архив ИМЭМО).

А Президиум АН СССР считает в порядке вещей такое ненормальное положение. Говорят, что нам прибавили после наших жалоб 5 000 рублей. Я не знаю, как же завтра т. Островитянов будет требовать качественных работ, если не выписываются даже важнейшие газеты, не говоря уже о том, что почти ничего не осталось на выписку иностранной литературы.

Другие трудности создаются в отношении комплектования кадров. В настоящее время не замещены вакансии около 40 научных сотрудников, главным образом работников высокой квалификации – зав. секторами, докторов наук, старших научных сотрудников. Сказывается то, что людей высокой квалификации в этой области не готовили. Дирекция взяла курс на привлечение молодежи. Даже среди младших научных сотрудников дирекция привлекла два десятка молодых товарищей, закончивших аспирантуру... Надежда, конечно, в значительной степени на молодежь. <...>”¹⁷.

Одной из важнейших тем исследований в своем Институте Арзуманян считал проблему экономического цикла в развитии капитализма. Здесь, как и в других направлениях, он призывал к отказу от заскорузлого догматизма, к поиску новых подходов. “У нас имеется отставание в разработке проблем экономического цикла и кризиса, – заявил на собрании Арзуманян. – Нечего говорить, что ряд наших прогнозов не сбылись. В чем дело? Ведь в 20-х гг. давались безошибочные прогнозы. А уже после кризиса 1929–1933 гг. не всегда анализ вскрывал правильную картину. В особенности ошибки стали наглядны в послевоенный период. Лично мне кажется, – заметил Арзуманян, – что уже в анализе кризиса 1929–1933 гг. не было до конца вскрыто влияние новых явлений монополистического капитализма в период общего кризиса. В послевоенный период не дали серьезного анализа влияния государственного монополистического капитализма и милитаризации на циклы и кризисы. У нас была одна неудачная попытка, я имею в виду анализ Каца. Но эта работа была немарксистская, ибо автор встал на позицию суженного воспроизводства”¹⁸.

Присутствующим не надо было разъяснять, что неудача А.И. Каца, работавшего, кстати, и в ИМХМП, и в Институте экономики, и в ИМЭМО, вытекала из послушного следования автора сталинской концепции загнивания капитализма, обреченного на “суженное воспроизводство”. Арзуманян, разумеется, не разделял эту порочную концепцию.

В своем докладе он четко высказался в пользу проблемно-регионального подхода в организации

¹⁷Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 6–7.

¹⁸Там же. Л. 18.

научных исследований в Институте. “В прошлом опыт показал, – говорил он, – что организация секторов только по принципу страноведения порождала эмпиризм в научном исследовании, а построение секторов по принципу исследования синтетических проблем вело зачастую к схоластике. В настоящее время мы сочетаем и тот и другой принцип. Одни сектора занимаются синтетическими проблемами, а другие – отдельными странами. Конечно, одна организационная структура сама по себе не гарантирует от схоластики и эмпиризма. Но все-таки данная организационная структура способствует преодолению эмпиризма и схоластики в научных исследованиях. Для этого требуется координация работ. Однако последняя весьма слабо организована”¹⁹.

Арзуманян предложил создать в Институте, помимо секторов, координационные и проблемные группы.

“В настоящее время можно сказать, – продолжал директор, – что организационный период Института позади. В Институте созданы 12 секторов, из которых, за исключением сектора Латинской Америки, остальные уже живут полноценной жизнью. Создана научная библиотека. Решены в основном проблемы валюты и получения литературы. Мы получили 70 тыс. руб. валюты и в настоящее время имеем возможность выслать деньги и получить книги непосредственно из Женевы и Вашингтона. В ближайшем будущем такая возможность будет и в Лондоне²⁰. Необходимо только, чтобы сумма предоставленных нам средств не снизилась в будущем году. <.. >

Самым слабым и уязвимым местом в нашей научно-исследовательской работе является участок изучения международных отношений. Мы не могли сколотить коллектив. Две проблемы, которые выдвинуты, сами по себе интересны. Первая из них – это империалистические блоки. Проблему возглавляет Л.Н. Иванов. В его квалификации нельзя сомневаться. Но болезнь подкосила его. Работа так и не заладилась <...>²¹.

Другая проблема – коллективная безопасность. Тут не удалось сплотить коллектив. Во многих секторах работники почти сплошь новые. Я это говорю к тому, чтобы люди терпимо относились друг к другу, критиковали, но не грызлись, помогали друг другу. <...>

Какие предложения? Дать в этом году международно-политический ежегодник. Это ударная задача. Обеспечить Институту монографии о

внешней политике каждой из главных капиталистических стран. Обратить серьезное внимание на подготовку работ по империалистическим блокам. Подготовиться к тому, чтобы приступить с будущего года к многотомному труду по международным отношениям после второй мировой войны. Сектор должен живо реагировать на международные события и обеспечить информацию”²².

Неблагополучное положение с изучением проблематики международных отношений, о чем говорил Арзуманян, было связано с отсутствием в течение года заведующего сектором международных отношений. Арзуманян с самого начала пригласил на эту должность хорошо знакомого ему 35-летнего кандидата исторических наук Николая Николаевича Иноземцева, но он по направлению ЦК КПСС с сентября 1955 г. работал в КНР, где преподавал новейшую историю в Пекинском дипломатическом институте. Арзуманяну стоило больших усилий в марте 1957 г. “вытащить” Иноземцева из Пекина в Москву. Именно Иноземцев предложил Арзуманяну начать работу над трехтомником по истории международных отношений после Второй мировой войны и наладить издание международно-политического ежегодника, где подводились бы итоги мирового экономического и политического развития за каждый истекший год.

Первый выпуск этого научно-справочного издания под редакцией Н.Н. Иноземцева вышел в свет в 1958 г. 25-тысячным тиражом. “Цель этого издания, – отмечалось в предисловии, – освещение основных тенденций и важнейших событий в мировой политике и экономике за год. Проблемные монографические статьи, посвященные различным аспектам современного международного развития, сочетаются в Ежегоднике со статьями, анализирующими экономику, внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств, и с обзорно-справочным материалом о ряде районов земного шара, о деятельности политических, экономических, военных и иных международных организаций. Постоянными разделами Ежегодника являются статистические таблицы основных экономических показателей и хроника международно-политических событий”²³.

Среди авторов первого выпуска Ежегодника – Л.А. Леонтьев, Я.З. Виктор, Т.Т. Тимофеев, Г.Е. Скоров, Я.Я. Котковский, А.Н. Пучков, В.И. Лан, Н.Н. Кучинский, Н.Н. Молчанов,

²² Архив РАН, Ф. 1556. Оп. 1. Д. 119. Л. 24, 39–41.

²³ См.: Международный политико-экономический ежегодник 1958 г. Гл. ред. Н.Н. Иноземцев. М. 1958. С. 5. Состав редколлегии первого выпуска Ежегодника: А.М. Александров, А.А. Арзуманян, Я.З. Виктор, Л.Н. Кутаков, Д.Е. Мельников, Г.И. Морозов (редактор тома), В.Г. Солодовников, Д.Г. Томашевский, В.М. Хвостов, В.М. Шамберг.

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ А.А. Арзуманян договорился о закупке необходимой Институту литературы с советскими посольствами в Швейцарии, США и Великобритании.

²¹ Тяжело больной академик Л.Н. Иванов умер в том же 1957 г.

М.С. Восленский, Е.А. Амбарцумов, Д.В. Петров, В.В. Журкин, Г.И. Мирский, В.М. Хайцман, М.А. Мильштейн, А.К. Слободенко, Г.И. Морозов, Б.М. Халоша, Е.И. Селезнева и др.

С 1960 г. Ежегодник редактировал В.В. Размеров, а затем – Н.А. Ковальский, С.М. Нестеров, В.Я. Аболтин и О.Н. Быков²⁴. Многие годы на посту заместителя главного редактора Ежегодника трудился д.и.н. Л.А. Зак, на котором лежала основная тяжесть подготовки его ежегодных выпусков. С 1972 г. выходило совместное с ГДР издание Ежегодника на русском и немецком языках. Оно прекратилось с исчезновением ГДР как самостоятельного государства. Ежегодник ИМЭМО очень скоро стал незаменимым научно-справочным изданием для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, а также для армии лекторов-международников Всесоюзного общества “Знание”.

Сектора Института жили напряженной, насыщенной жизнью. На заседаниях обсуждались текущие вопросы экономики и политики зарубежных стран. Вопросы более общего характера выносились на институтские обсуждения. Так, в июле 1957 г. состоялась дискуссия по докладу А.А. Манукяна, посвященному экономическому положению капиталистических стран в 1956 г. и в начале 1957 г. Тогда же прошло обсуждение доклада Я.А. Певзнера об экономическом и политическом положении современной Японии.

Важным событием в научной жизни ИМЭМО, ставшим отправной точкой в развертывании исследований по европейской интеграции, было состоявшееся в апреле 1957 г. в Институте обсуждение римских соглашений об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом), подписанных шестью государствами Западной Европы (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) 25 марта того же года.

Значение этого исторического события сразу же было в должной мере оценено учеными ИМЭМО, предпринявшими попытку осмыслить стартовавший в Риме процесс европейского строительства²⁵. По воспоминаниям некоторых участников проходившего в Институте обсуждения, в оценке этих документов преобладали политико-идеоло-

гические соображения, по большей части не отвечающие истинному положению дел. Акцент в дискуссии был сделан на антисоветской природе интеграционного процесса, направляемого якобы из Вашингтона. В лучшем случае речь шла о “сговоре монополий”, “неравномерности развития западноевропейского капитализма” и “межимпериалистических противоречиях”. Никто тогда всерьез не верил в возможность реализации провозглашенных в Римском договоре целей – взаимное снижение таможенных пошлин с перспективой их полной отмены, открытие границ, выравнивание экономических уровней и социального обеспечения в странах ЕЭС, создание единой валюты и т.д. Единственный, кто позволил себе пойти против мнения большинства в оценке перспектив Общего рынка, был академик Е.С. Варга.

Вот что вспоминает об этом С.А. Микоян:

“Помню прекрасно, как... обсуждался вопрос об Общем рынке в Европе. Большинство выступавших так или иначе исходило из слов Ленина, написавшего в 1916 году, что Соединенные Штаты Европы или невозможны или реакционны. Мне всегда казалось, что фраза плохо звучит с точки зрения русского языка. Смысл же был ясен. Проект Общего рынка для Европы надо было критиковать или объявлять нереальным, неосуществимым. И вдруг взял слово член Ученого совета Варга. Он говорил, прохаживаясь за столом президиума. “А что собственно особенного в ликвидации таможенных границ в Европе? Это уже было. Да и не только таможенных. Помнится, до 1-й мировой войны я ехал поездом из Будапешта в Париж через Германию, Бельгию. Нигде на трех границах меня не беспокоили ни таможенники, ни пограничники. Почему бы к этому не вернуться? Очень может быть, что и вернутся”.

Варга был достоинством истории, ее частью, на удивление живой и мудрой. Он мог говорить все, что хотел. Его слова приняли за чудачество. Как это можно вернуться к тем нравам? Наши ученые всерьез не верили. Так, по крайней мере, казалось”²⁶.

Итоги состоявшейся дискуссии были сформулированы в Тезисах ИМЭМО «О создании “Общего рынка” и Евратома», опубликованных в журнале “МЭ и МО”²⁷.

Из тезисов ИМЭМО (1957 г.):

“<...> Образование международных монополистических союзов – одна из характерных отличительных черт империализма. Эти союзы имеют определенные экономические цели: совместная борьба за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капитала, передел мира, от-

²⁴ Дважды Ежегодник менял свое название: Международный ежегодник. Политика и экономика; Год Планеты. Политика, экономика, бизнес, банки, образование.

²⁵ Истоки европейского интеграционного процесса уходят в первые послевоенные годы, когда государства Западной Европы взяли курс на тесное сближение в перспективе слияния их экономических потенциалов в единый блок. Непосредственным предшественником ЕЭС стало Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), созданное в апреле 1951 г. теми же шестью государствами, которые позднее заключат римские договоры об учреждении ЕЭС и Евратома.

²⁶ Микоян С.А. Указ. соч. С. 9–10.

²⁷ См.: МЭ и МО. 1957. № 1. С. 83–96.

ствание общих классовых интересов эксплуататоров, защита капитала не знающего отечества.

<...> В основе проектов “общего рынка” и других совместных операций монополистов шести западноевропейских стран лежит стремление сплотить силы империализма для борьбы против социализма, против национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран, укрепить при помощи международных государственно-монополистических объединений позиции капитализма.

<...> Проекты “общего рынка” и Евратома намечено проводить в жизнь в рамках военно-политических Североатлантического блока и Западноевропейского союза, в которые входят все участники римских соглашений. Военный аспект этих проектов... очевиден.

<...> Общий рынок, Евратом и Еврафрика **реакционны** (выделено в тексте. – П.Ч.) в своей основе, и если они будут в той или иной мере реализованы, это неизбежно приведет к далеко идущим отрицательным последствиям для народов шести стран “малой Европы”, для национальных интересов этих стран, для международного экономического сотрудничества и международной безопасности. <...>”.

Такова была общая оценка начавшегося в западной части Европейского континента интеграционного процесса, в развернутом виде представленная в тезисах ИМЭМО. Как видим, эта оценка была исключительно отрицательной, и не может быть записана в число научных достижений ИМЭМО. Некоторым оправданием для ученых ИМЭМО мог бы, наверное, послужить тот факт, что весной 1957 г. они могли анализировать не сам процесс интеграции, а лишь “декларацию о намерениях” в виде римских соглашений. Тем не менее в 1957 г. Институт впервые обозначил феномен европейской интеграции как реальную проблему мировой экономики и политики, требующую изучения, и это, пожалуй, главное.

По всей видимости, тезисы 1957 г. не вполне устраивали и самого Арзуманяна, инициировавшего их составление. Он не мог не видеть, что сформулированные в них категоричные оценки начинают расходиться с развитием событий. 1 января 1958 г. договор о создании ЕЭС вступил в силу и начал реализовываться в практической политике шести подписавших его стран.

По инициативе Арзуманяна весной 1959 г. ИМЭМО совместно с редакцией журнала “МЭ и МО” организует научную конференцию на тему: “Общий рынок” и его роль в экономике и политике современного империализма”, участники которой пытаются осмыслить начавшийся процесс европейской интеграции²⁸.

²⁸Материалы этой конференции были опубликованы в № 7–9 журнала МЭ и МО за 1959 г.

А в октябре 1959 г. Арзуманян публикует статью под названием “Социально-экономические и политические причины “интеграции” в Западной Европе”, в которой делает ряд важных признаний. “В марксистской литературе, – пишет он, – были попытки объяснить появление “общего рынка” различного рода частными причинами. Говорилось, например, о том, что речь идет лишь об осуществлении внешнеполитических планов Соединенных Штатов Америки или замыслов Западной Германии. Конечно, создание “общего рынка” способствует политике США. Верно и то, что “общий рынок” занимает важное место в планах Западной Германии. *Однако было неправильно рассматривать “общий рынок” только как результат внешнеполитических акций США или ФРГ или обоих вместе. Подобное освещение, на наш взгляд, односторонне* (курсив мой. – П.Ч.)”²⁹.

Но самое главное – Арзуманян делает первый шаг к признанию объективного характера европейской интеграции, отказавшись, по сути, рассматривать ее исключительно как проявление чьей-то “злой воли”. Теперь он уже пишет о «важных объективных предпосылках экономической “интеграции” шести стран “малой Европы”», о том, что «неверно было бы игнорировать “общий рынок” и другие конкретные проявления “интеграции” Западной Европы»; наконец, о том, что «европейская “интеграция” представляет собой реальный фактор, с которым нельзя не считаться»³⁰.

Разумеется, такие признания нелегко дались убежденному марксисту-ленинцу Арзуманяну, который в той же статье оговаривает их целым набором привычных идеологических формул, обличающих “происки империалистов”, но в данном случае, важно подчеркнуть его способность к трезвому восприятию действительности. Этого же он всегда требовал и от своих сотрудников.

Спустя пять лет ИМЭМО подготовил новые тезисы – “Об империалистической “интеграции” в Западной Европе (“Общий рынок””, – в которых был обобщен более чем трехлетний опыт европейского строительства³¹.

За четыре истекших года, как отмечалось в этом документе, “шестерка” провела ряд мер по осуществлению Римского договора: были снижены таможенные пошлины во взаимной торговле –

²⁹Там же. 1959. № 10. С. 37–38.

³⁰Там же. С. 37–38, 40, 48. По всей видимости, статья А.А. Арзуманяна стала результатом его участия в конференции в ИМЭМО и в обмене мнениями по проблемам европейской интеграции, состоявшейся в июле 1959 г. в Праге в редакции журнала “Проблемы мира и социализма”. Ее результаты опубликованы в книге: “Общий рынок” и рабочий класс. Под ред. А.М. Румянцева. М., 1960.

³¹Тезисы были опубликованы в Приложении к № 9, 1962 г. журнала МЭ и МО.

до 50% на промышленные товары, и на 30–35% – на продукцию сельского хозяйства, предприняты шаги к установлению единого внешнего тарифа на товары, ввозимые из стран, не входящих в Общий рынок; идет разработка совместной линии во внешней торговле с этими странами; отменены количественные ограничения импорта промышленных товаров; ослаблены валютные ограничения; введена частичная обратимость валют; облегчены условия движения капитала внутри Общего рынка.

Все эти, казалось бы, очевидные вещи в значительной степени были откровением для советского читателя, совершенно дезориентированного пропагандой, сообщавшей лишь о “неразрешимых противоречиях” внутри “шестерки” и об “обреченности” планов империалистической “интеграции”.

Из тезисов ИМЭМО можно было узнать о предполагавшемся в ближайшие годы снижении таможенных пошлин во взаимной торговле на промышленные товары еще на 30% от исходного уровня и о полной их отмене в 1969 г. Поистине, сбывалось не воспринятое всерьез полухитрое пророчество академика Е. С. Варги, высказанное им на Ученом совете ИМЭМО весной 1957 г. Можно было узнать также, что в ЕЭС предусмотрены согласованные меры по облегчению передвижения рабочей силы, регулированию сельского хозяйства и транспорта, унификации социального и налогового законодательства. В тезисах сообщалось и о том, что промышленное производство стран Общего рынка выросло с 1957 по 1961 г. на 30%, а объем экспорта – на 50%. Темпы роста промышленного производства интегрируемой Европы были в 1.5–2 раза выше, чем в капиталистическом мире в целом.

«Более быстрые по сравнению с американскими темпы экономического развития стран “Общего рынка” привели к росту их доли в мировом капиталистическом производстве, международной торговле и золотых запасах, – констатировали составители тезисов. – Впервые в послевоенные годы стала вырисовываться возможность создания западноевропейского империалистического “центра силы”, равного или близкого к Соединенным Штатам по своим людским и материальным ресурсам, объему промышленного производства, внешней торговле (здесь и далее курсив мой. – П.Ч.). ФРГ, Франция и в известной мере Италия стали претендовать на большую роль в выработке “глобальной” политики НАТО... В этих условиях “интеграция” сопровождается обострением отношений западноевропейских государств и США».

Все это шло вразрез с пропагандистскими закливаниями советской печати о провале “империалистической затеи” с Общим рынком, а также с

утверждениями о существовании единого империалистического лагеря, послушно марширующего по команде Вашингтона. По понятным идеологическим причинам, содержащаяся в тезисах констатация реального положения дел в строительстве Европы, сопровождалась соответствующими оценками этого процесса с “классовых, марксистских” позиций. И все же главный вывод гласил как приговор: Общий рынок “стал экономической и политической реальностью”, с которой впредь надо было считаться³².

Тезисы 1962 г., по справедливому замечанию одного из авторитетных специалистов в изучении европейской интеграции, “в значительной мере определили характер дальнейших исследований в этой области”³³. В последующем в ИМЭМО развернется интенсивное изучение “западноевропейского центра силы”, а руководство Института, по мере поступательного развития европейского интеграционного процесса, будет упорно внушать “директивным инстанциям” мысль о необходимости официального признания ЕЭС Советским Союзом.

Но вернемся к событиям второй половины 50-х годов.

В связи с начавшимся в середине 50-х годов распадом колониальной системы все более важное место в работе ИМЭМО стало занимать изучение проблем национально-освободительного движения и вопросы становления новых независимых государств. Главный в то время вопрос: какое место займут эти государства в “борьбе двух систем”? Пойдут ли они в фарватере “империализма” или станут союзником и резервом “мирового социализма”?

Арзуманян и его сотрудники полагали, что во многом это зависело от способности советского руководства пересмотреть прежние идеологические стереотипы в оценке национальной буржуазии и роли крестьянства в национально-освободительном движении. В ИМЭМО пришли к выводу, что новые реальности обнаружили несостоятельность прежнего, одностороннего курса времен Коминтерна на союз с практически не существовавшим в колониальных и зависимых странах рабочим классом и его “авангардом” в лице оплачиваемых из бюджета СССР коммунистических партий. “В прошлом, – говорил Арзуманян на собрании в Институте в августе 1960 г., – мы совершили в трактовке национально-колониальной проблемы ряд ошибок. Я думаю, что речь идет не о том, что мы недооценили роль национальной буржуазии в борьбе против империализма, – это

³² Там же. С. 3.

³³ Барановский В. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М. 1983. С. 5.

было бы еще полбеды, мне кажется, что мы недооценили силу социалистической системы в оказании воздействия на колониальный мир в его борьбе против империализма. Мы также недооценили влияния социалистической революции и социалистической системы на национально-освободительное движение, на изменение характера этого движения, которое, даже при условии сохранения буржуазии у руководства, могло превратиться в серьезную силу подрыва господства империализма и завоевания национальной независимости. Таким образом, – резюмировал Арзуманян, – главный недостаток наших исследований в этом вопросе сказался в недооценке влияния социализма на сущность, на характер и революционные возможности национально-освободительной борьбы в колониальном мире³⁴.

Какие же уроки предлагал извлечь из всего этого Арзуманян?

“Коллектив нашего Института, – говорил он 31 августа 1960 г., – должен преодолеть этот недостаток в научном исследовании. Нам необходимо понять, что слаборазвитые страны в настоящее время оказались в совершенно новых условиях, когда они, во-первых, могут получить от социалистической системы необходимые средства оборудования, без того, чтобы идти на поклон к империалистам; во-вторых, в решающие минуты борьбы за свою независимость они могут опереться не только на политическую и моральную поддержку социалистической системы, но и могут получить от социалистической системы оружие и защитить свою независимость, в-третьих, чем дальше, тем больше они могут устанавливать связь с социалистической экономикой по линии международного разделения труда и совсем освободиться от экономической зависимости со стороны империалистических государств как в области продажи сырья, так и в области импорта промышленных товаров.

К сожалению, у нас нет глубоких исследований по этим странам под углом зрения указанных выше тенденций развития. В свое время незнание этого вопроса привело к тому, что под флагом критики гандизма наши товарищи проглядели народное, я бы сказал, крестьянское движение в Индии за независимость своей страны. Мы объявили Ганди ставленником английского империализма и не видели, что за ним следуют широчайшие крестьянские массы, интеллигенция, народные массы, которые при определенных условиях могли и превратились в реальную силу, заставившую английских колонизаторов обратиться из Индии³⁵.

Тогда же Арзуманян впервые подходит к идее о возможности “некапиталистического пути раз-

вития” для молодых освободившихся государств. “Ленин поставил вопрос о некапиталистическом пути развития колоний, – сказал Арзуманян. – Теоретическая правильность этого положения не подлежит сомнению, такая возможность не исключена. Но когда речь идет о стране, то надо изучать те конкретные условия, те экономические силы, которые сложились там, ту расстановку классов и партий, которая имеет место”³⁶.

Идея некапиталистического пути развития уже в 60-е годы будет развита и теоретически оформлена в работах В.Л. Тягуненко, к чему мы еще вернемся.

С конца 50-х годов в Институте, наряду с традиционным изучением рабочего движения, зарождается перспективное направление исследований средних слоев, крупного и мелкого крестьянства в ведущих странах Запада.

ИМЭМО год от года наращивал выпуск печатной продукции. Если в 1957 г. под грифом Института было опубликовано 4 монографии, то в 1958 – уже 17, в 1959 – 21, а в 1960 г. – 23³⁷.

С 1958 г., наряду с секторами, в ИМЭМО стали создаваться межсекторские исследовательские группы. Первой была создана группа по вопросам разоружения, затем – группа по изучению проблем финансов, кредита и денежного обращения капиталистических стран. Характерно, что в заседаниях этой группы принимали участие не только сотрудники ИМЭМО, но и представители заинтересованных государственных учреждений – НИИ Минфина СССР, Правления Госбанка СССР, Госкомитета СССР по экономическим связям с зарубежными странами, Конъюнктурного института МВТ СССР и др.³⁸.

Следует сказать, что Арзуманяну сразу же удалось наладить тесное взаимодействие академической науки в лице ИМЭМО с соответствующими министерствами и ведомствами, которые не были лишь пассивными получателями той или иной информации из Института, зачастую их представители принимали участие в институтских обсуждениях и других мероприятиях.

И все же именно записки, направляемые в адрес ЦК КПСС, СМ СССР, Президиума Верховного Совета СССР, МИДа, МВТ, других министерств и госкомитетов, составляли основное содержание “невидимой” деятельности ИМЭМО. Так, в 1959 г. из Института “ушли наверх” 46 информационно-аналитических записок. Среди них – “О положении в экономических группировках стран Западной Европы” (13 маш. страниц, автор – К.И. Попов, адресат – А.И. Микоян), “Экономи-

³⁴Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 31–32.

³⁵Там же. Л. 32–33.

³⁶Там же. Л. 33.

³⁷См.: Там же. Л. 25.

³⁸См.: МЭ и МО. 1959. № 7. С. 152.

ческая сторона деятельности НАТО” (11 стр., автор – Б.М. Халоша³⁹, адресат – МИД СССР); “Добыча нефти американскими монополиями за пределами США” (16 стр., адресат – Президиум Верховного Совета СССР); “Консервативная партия Великобритании перед всеобщими парламентскими выборами” (44 стр., автор – Н.Н. Кучинский, адресат – Б.Н. Пономарев, ЦК КПСС); “Роль государства в укреплении национальной экономики стран Юго-Восточной Азии” (7 стр., автор – Е. Брагина, адресат – В.В. Кузнецов, зам. министра иностранных дел СССР); “Экономика США к маю 1959 года” (10 стр., автор – В.И. Каплан, Г.П. Куропятник, адресат – В.В. Кузнецов, МИД СССР); “Экономическое и общественно-политическое положение в Бельгийском Конго”⁴⁰ (37 стр., автор – В.А. Мартынов, адресат – В.С. Семенов, зам. министра иностранных дел СССР) и т.д.⁴¹.

В 1960 г. число отправленных из ИМЭМО в “инстанции” записок более чем удвоилось – 102. Среди адресатов – члены Президиума ЦК КПСС Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, А.И. Микоян, кандидат в члены Президиума, секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, Председатель Госплана СССР А.Н. Косыгин, заместители министра иностранных дел В.А. Зорин, Я.А. Малик, Г.М. Пушкин, В.С. Семенов, другие руководящие работники⁴².

По отдельному каналу шли записки от самого А.А. Арзуманяна, адресованные Н.С. Хрущеву, А.И. Микояну и другим членам Президиума ЦК КПСС. В их написании принимали участие ведущие научные сотрудники Института, но основные идеи выдвигал сам Арзуманян, он же определял и тематику тех материалов, которые предполагал направить на “самый верх”.

С 1957 г. в деятельности ИМЭМО и его директора обозначается новое направление – участие в подготовке партийных документов и выступлений Н.С. Хрущева и других высших руководителей КПСС. Впервые Арзуманян был “задействован” для написания доклада Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Октябрьской революции. Тогда же, в

ноябре 1957 г., Арзуманян принял активное участие в подготовке и проведении в Москве Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 64 стран мира. Он был одним из главных составителей принятых на этом Совещании документов – Декларации и Манифеста мира, в которых, как отмечалось в “Истории КПСС” под редакцией Б.Н. Пономарева, дан в обобщенном виде “марксистски обоснованный анализ международного положения, коренных изменений в расстановке сил на международной арене”, а также поставлена “важнейшая международная задача – борьба в защиту мира, против проводимой империалистами подготовки новой мировой войны”⁴³.

Арзуманян был включен в состав делегации КПСС во главе с Хрущевым на втором Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, проходившем в Москве в ноябре 1960 г. Как и в первом случае, Арзуманян участвовал в подготовительной работе и в составлении итоговых документов – Заявления Совещания и Обращения к народам всего мира.

Помимо этого, Арзуманян и возглавляемый им ИМЭМО приняли самое активное участие в подготовительной работе по разработке семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. и в написании доклада на эту тему, с которым Н.С. Хрущев выступил на внеочередном XXI съезде КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.).

Все более важное место в работе Института занимало прогнозирование перспектив экономического развития ведущих капиталистических стран до 1980 г. Из Отчета о деятельности ИМЭМО в 1956–1960 гг. можно узнать, что в этой работе, предпринятой по заказу Госплана СССР, было занято свыше 100 научных сотрудников Института⁴⁴.

В тесном взаимодействии с Научно-экономическим комитетом Совета Министров СССР работал сектор США, преобразованный в 1960 г. в Отдел США. В его рамках был создан сектор экономического соревнования двух систем, работа которого велась по четырем главным направлениям:

- перспектива и оценка возможных темпов развития экономики главных капиталистических стран на ближайшие 15–20 лет;
- проблемы производительности труда в экономическом соревновании СССР и США;
- проблемы научно-хозяйственной структуры в экономическом соревновании СССР и США;

³⁹В этой записке впервые был поставлен вопрос о том, что деятельность НАТО не сводится только к военно-политическим мероприятиям, направленным против СССР и его союзников в Восточной Европе. Первым из советских международных Б.М. Халоша обратил внимание руководства МИД СССР на невоенные аспекты в деятельности Североатлантического блока.

⁴⁰Данная записка была более чем своевременной, так как в Бельгийском Конго (ныне – Заир) назревала кровопролитная и затяжная гражданская война.

⁴¹См.: Архив ИМЭМО РАН.

⁴²См.: Там же. Всего же за период 1956–1960 гг. Институтом было подготовлено и отправлено в “инстанции” около 350 записок и информационных материалов (Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 2).

⁴³История Коммунистической партии Советского Союза. Издание второе, дополненное. М. 1963. С. 677.

⁴⁴См.: Архив РАН. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 6.

– развитие машиностроения в главных капиталистических странах и его перспективы.

В сентябре 1960 г. по каждому из этих четырех направлений Институт представил в Госэкономсовет СССР соответствующий доклад.

В 1960 г. ИМЭМО был задействован и в разработке “Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на 20 лет”⁴⁵.

Определяя задачи ИМЭМО на второе пятилетие его существования, Арзуманян говорил: “Мы должны дать: во-первых, правильный анализ капиталистической действительности...; во-вторых, дать партии возможность формировать свою внешнюю политику и осуществлять внешнеполитические связи, опираясь на действительное знание тенденций экономического развития и политических явлений; в-третьих, вести активную пропаганду на границу”⁴⁶.

Решение, по крайней мере, двух первых задач, и Арзуманян это хорошо понимал, было невозможно без преодоления “последствий культа личности Сталина, догматизма и начетничества в трактовке проблем экономики и политики современного капитализма”⁴⁷.

Борьба с “наслоениями” сталинизма в области теории – важнейшее направление деятельности ИМЭМО. Так считал Арзуманян. “...Труды Института, – говорил он, – помогают преодолеть вредное упрощенчество в трактовке вопроса об абсолютном обнищании рабочего класса, труды

по вопросу о государственно-монополистическом капитализме направлены... против недооценки экономической роли буржуазного государства...; исследования по вопросам кризисов и циклов служат преодолению... ошибочного тезиса о неизбежности “воспроизводства на суженной базе” (Сталин), тезиса, который обезоруживал нашу страну и другие страны социалистического лагеря в борьбе за победу в экономическом соревновании с капитализмом. Труды Института по вопросам международных отношений служат обоснованию ленинского принципа мирного сосуществования, анализу реального соотношения сил на международной арене, противоречий в лагере капитализма”⁴⁸.

Активность А.А. Арзуманяна должным образом была оценена Н.С. Хрущевым. В 1961 г. директор ИМЭМО получает орден Трудового Красного Знамени, причем не по случаю юбилея, как было принято в советской системе, а “за крупные заслуги” в развитии экономической науки и выполнении ответственных заданий партии и правительства. Еще ранее, в июне 1958 г., кандидат экономических наук Анушаван Агафонович Арзуманян был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономических, философских и правовых наук.

Таковы были некоторые предварительные итоги работы ИМЭМО и его основателя в период становления Института как центра по изучению мировой экономики и международных отношений.

Продолжение следует

⁴⁵Там же. Л. 7.

⁴⁶Из выступления А.А. Арзуманяна на партийном собрании в ИМЭМО 31 августа 1960 г. (Там же. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 135. Л. 30).

⁴⁷Там же. Л. 12.

⁴⁸Там же. Л. 12–13.